

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДЕННИС ЛИХЭЙН

Глоток перед битвой

Дай мне руку, Тьма

Святыня

Прощай, детка, прощай

В ожидании дождя

Таинственная река

Остров Проклятых

Настанет день

Лунная миля

Закон ночи

Ушедший мир

Общак

ДЕННИС ЛИХЭЙН

ОСТРОВ ПРОКЛЯТЫХ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

*Крис Глосон и Майку Эйгену.
Которые слушали. И слышали.
И порой взваливали на себя*

...Нам мало видеть сны, мы еще должны
с ними жить?

*Элизабет Бишоп.
Вопросы путешественника*

ПРОЛОГ

**Из дневников доктора Лестера Шина
3 мая 1993 года**

Я не видел остров несколько лет. Последний раз — с яхты моего приятеля, вышедшей из бухты в залив. Остров был виден вдаль, за внутренней грядой, в саване из летней дымки, случайный мазок краски на фоне неба.

Больше двух десятилетий на него не ступала моя нога, но Эмили говорит (иногда шутя, иногда нет), что ей сдается, будто я оттуда и не уезжал. Как-то она сказала, что для меня время — это серия закладок, с помощью которых я гуляю вперед-назад по тексту моей жизни, снова и снова возвращаясь к событиям, которые, с точки зрения моих проникательных коллег, показывают меня классическим меланхоликом.

Возможно, Эмили права. Она так часто бывает права.

Скоро я и ее потеряю. Вопрос нескольких месяцев, как сказал нам в четверг доктор Аксельрод. Совершите это путешествие, посоветовал он. То, о котором вы постоянно говорите. Флоренция, Рим, Венеция весной. Вы, Лестер, тоже в неважной форме, добавил он.

Пожалуй. В последнее время я стал частенько класть вещи не на свое место, особенно очки. И клю-

чи от машины. Я захожу в магазин и не помню, зачем пришел. Выхожу из театра и тут же забываю, о чем был спектакль. Если время для меня и вправду серия закладок, то ощущение такое, будто кто-то сначала так тряхнул мою книжку, что из нее посыпались пожелтевшие полоски бумаги, оторванные спичечные этикетки и пластиковые палочки для размешивания кофе, а потом распрямил загнутые уголки.

Поэтому я хочу все записать. Не отредактировать текст, чтобы выставить себя в более выгодном свете. Нет, нет. *Он* бы этого не позволил. Ведь он по своему ненавидел ложь, как никто другой. Просто хочется сохранить текст, перенести его из нынешнего хранилища (в котором, откровенно говоря, стало влажно и начались протечки) на эти страницы.

Больница «Эшклиф» располагалась на центральной равнине в северо-западной части острова. И вид, добавлю, имела самый благопристойный. Меньше всего она была похожа на больницу для неумяемых преступников и тем паче на военные казармы, какими являлись изначально ее корпуса. Если на то пошло, она нам напоминала школу-интернат. В викторианской мансарде по соседству с главным зданием жил смотритель, а в красивом замке эпохи Тюдоров, где когда-то квартировал командующий северо-восточным прибрежным отрядом армии северян, проживал наш кадровик. За стеной располагались жилые дома сотрудников — причудливые коттеджи из дранки для клинических врачей, три приземистых общежития из шлакоблоков для санитаров, надзирателей и медсестер. Основную территорию больницы украшали лужайки и подстриженные живые изгороди, огромные тенистые дубы, шотландские сосны, аккуратные клены и яблони, плоды с которых поздней

осенью бомбардировали крепостные стены и рассыпались по траве. А по бокам больницы, величественного здания из добротного гранита и темно-серых плит, стояли краснокирпичные близнецы в колониальном стиле. Дальше просматривались отвесные скалы и образованные приливами болота и полоса долины, где некогда возникла общественная ферма, захиревшая вскоре после американской революции. Посаженные еще тогда деревья — персиковые, грушевые, арония — выжили, но давно не плодоносили, и ночные ветра, налетавшие на долину, порой завывали, как бродячие коты.

Ну и конечно форт стоял здесь задолго до появления больничного персонала и по-прежнему стоит, возвышаясь над южным мысом. И чуть поодаль маяк, потухший еще до Гражданской войны и ставший анахронизмом из-за действующего бостонского собрата.

Со стороны моря вроде бы ничего особенного. Но посмотрите глазами Тедди Дэниелса, увидевшего все это тихим сентябрьским утром 1954 года. Поросший кустарником пяточок посреди бухты. Не столько даже остров, сколько идея острова. Какое у него может быть предназначение, вероятно, подумал он. Вот именно, какое.

Самой большой популяцией у нас были крысы. Они шепуршали в кустах, по ночам выстраивались боевыми порядками вдоль берега, взбирались на мокрые скалы. Некоторые размером с камбалу. После тех четырех странных дней летом пятьдесят четвертого я не один год изучал поведение крыс из ложбины в холме с видом на северное побережье. К своему удивлению, я обнаружил, что отдельные крысы пытались доплыть до острова Паддок, в сущности, скалы в песочнице, двадцать два

часа из двадцати четырех остававшейся под водой. Всякий раз, когда во время отлива островок появлялся над водой на час-полтора, они предпринимали заплыв, эти крысы, десяток, не больше, и всегда новый прилив заставлял их вернуться восвояси.

Я сказал «всегда», но это не так. Я видел, как одна доплыла-таки. Всего один раз. В полнолуние перед осенним равноденствием, в октябре пятьдесят шестого. Я явственно разглядел черную тушку водяного щитомордника, прошмыгнувшего по отмели.

Или так мне показалось. Эмили, с которой я познакомился на острове, сказала мне: «Лестер, ты не мог ее разглядеть с такого расстояния».

Она права.

И тем не менее я видел своими глазами. Толстый щитомордник шмыгнул по жемчужно-серому песку, уходящему снова под воду с возвращением прилива, готового проглотить остров Паддок вместе с этой крысой, ибо назад она уже не приплыла.

И в ту минуту, когда она бежала по отмели (и все-таки я ее видел, видел, разрази меня гром), я подумал о Тедди. О Тедди и его несчастной покойной жене Долорес Шаналь и их клонах, Рейчел Соландо и Эндрю Лэддесе, этой жуткой парочке, устроившей у нас форменный погром. Если бы Тедди тогда сидел рядом со мной, подумал я, он бы тоже увидел эту крысу. Наверняка.

Скажу вам больше.

Тедди...

Он бы ей поаплодировал.

День первый

РЕЙЧЕЛ

Отец Тедди Дэниелса был рыбак. Его моторку за долги забрал банк в тридцать первом, когда Тедди было одиннадцать лет, и в дальнейшем он нанимался на чужие, когда была работа, а когда не было, что-то разгружал в доках, а чаще, уже вернувшись домой к десяти утра, сидел в кресле, тупо разглядывал свои руки диковатыми мутными глазами и что-то шептал себе под нос.

Дэниелс-старший брал с собой Тедди рыбачить у островов еще ребенком, когда проку от него было не много. Все, что он умел, — это распутывать леску и отвязывать крючки. Случалось, он ранился, кровь выступала на пальцах, размазывалась на ладонях.

Они выходили в море затемно, и вот над окомоем появлялось солнце, словно вырезанное из холодной слоновой кости, и тогда из отступающей темноты выплывали острова, сбившись в кучу, как будто их поймали за чем-то предосудительным.

Взору Тедди открывался ряд приземистых светловатых лачуг на одном из островов, полуразрушенная усадьба из известняка на другом. Отец показывал пальцем: вон тюрьма на Диэре, а это мощный форт на Джордже. На острове Томпсон в кронах высоких деревьев гнездились птицы, и их гомон походил на удары градин по стеклу.

Дальше за ними лежал остров Проклятых, словно брошенный в море с проплывающего испанского галеона. Весной далекого двадцать восьмого его оставили один на один с собственной буйной растительностью, и расположенный на самой верхотуре форт был удушен выющимися побегам и покрыт целыми шапками мха.

— Почему Проклятых? — поинтересовался Тедди.

Отец повел плечами:

— Вопросы. Вечно ты со своими вопросами.

— Нет, ну правда?

— Да просто так назвали, и слово прижилось.

Может, пираты.

— Пираты? — Звучало красиво. Тедди сразу увидел рослых мужчин с повязкой на глазу, в высоких сапогах, с блестящими саблями.

Отец пояснил:

— В старые времена они тут прятались. — Его рука обвела горизонт. — На этих островах. Сами прятались, золото прятали.

Тедди представил себе кованые сундуки и как из-под крышки высыпаются монеты.

Через какое-то время его начало выворачивать наизнанку, снова и снова, черные потоки полились за борт.

Отец смотрел озадаченно, ведь прошло уже несколько часов, и океанская гладь безмятежно поблескивала. Он сказал:

— Все нормально. Твой первый выход в море. Так что нечего стыдиться.

Тедди кивнул и обтер рот тряпицей, которую ему протянул отец. А тот продолжал:

— Иной раз качку и не почувствуешь, пока она не заберется к тебе в кишки.

Тедди снова кивнул от невозможности сказать отцу, что качка тут ни при чем.

Это все вода, простиравшаяся вокруг, кроме нее, больше ничего в мире не осталось. Ему казалось, что сейчас она и небо проглотит. До этой минуты он и не думал, что они на свете так одиноки.

Он глядел слезящимися красными глазами на отца, повторявшего, что все будет нормально, и пытался выдавить из себя улыбку.

Летом тридцать восьмого его отец вышел из Бостона на китобойце и не вернулся. Лишь следующей весной на отмель Нантакета возле города Халл, где Тедди вырос, выбросило обломки корабля. Часть киля, нагревательная плитка с выгравированным на донце именем капитана, банки с консервированными помидорами и картофельным супом, пара ловушек для лобстеров, продырявленных и бесформенных.

Траурная церемония по четырем погибшим рыбакам состоялась в церкви Святой Терезы, задней своей стеной почти упиравшейся в море, унесшее столько же ее прихожан. Тедди стоял рядом с матерью и слушал слова про капитана, и первого помощника, и третьего рыбака, старого морского волка по имени Джил Рестак, терроризировавшего бары города Халла с тех пор, как он вернулся с большой войны с раздробленной пяткой и ворохом страшных картин в башке. Но смерть, как сказал один из пострадавших от него барменов, ему все простила.

Владелец китобойца Никос Коста заявил, что почти не знал отца Тедди и взял его в последний момент, когда один из членов команды сломал ногу, упав с грузовика. Капитан тогда дал высокую оценку новичку, мол, любой в городе вам скажет,

что свою работу он делает на ять. Разве может быть похвала выше этой?

Стоя в церкви, Тедди вспомнил тот день на отцовской моторке, после которого вместе в море они уже не выходили. Отец повторял, что они обязательно выйдут, но Тедди понимал, с какой целью это говорится: чтобы помочь ему сохранить остатки гордости. Отец никогда не вспоминал о том злополучном дне, но когда они возвращались через архипелаг — остров Проклятых остался сзади, Томпсон впереди, а до их родного города рукой подать, и весь он был виден так отчетливо, что, кажется, можно ратушу поднять вверх за шпиль, — что-то такое промелькнуло в его взгляде.

— Это море, — сказал отец, легонько потирая сыну спину, пока они стояли, прислонившись к корме. — Одни здесь себя находят. Других оно себе подчиняет.

И при этом он так посмотрел на Тедди, что не трудно было догадаться, в какую категорию тот, скорее всего, попадет.

Чтобы добраться сюда в пятьдесят четвертом, им пришлось сесть на городской паром и миновать череду богом забытых островков — Томпсон и Спектэкл, Грейш и Бампкин, Рэйнфорд и Лонг, — лепившихся на морском скальпе песчаными заплатками, пучками цепких деревьев и скалистыми грядами, выбеленными, как кости. Если не считать планового завоза продовольствия по четвергам и субботам, паром ходил от случая к случаю, и в такие дни вельбот был совершенно гол — лишь обшитое металлическим листом днище да две железные скамьи по бортам под иллюминаторами. Скамьи